

Главацкий М. Е. Философский пароход: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 223 с.

В августе-сентябре 1922 г. по постановлению ГПУ из Петрограда, Москвы, Киева и других городов в административном порядке были высланы за границу и частично в северные губернии России «активные контрреволюционные элементы» из среды «неудобной» интеллигенции — ученые, врачи, агрономы, литераторы, журналисты. Поскольку среди инакомыслящих особо выделялись философы, возникло нарицательное словосочетание «философский пароход». Под этим названием эта акция и вошла в историю.

Тема насильственного изгнания интеллигенции около 70 лет находилась в СССР под полным запретом, хотя за рубежом в эмигрантской прессе регулярно публиковались воспоминания деятелей науки и культуры, высланных в 1922 г.: Н. А. Бердяева, П. А. Сорокина, М. А. Осоргина, Б. И. Харитона, Н. О. Лосского, М. М. Новикова, А. С. Изгоева и др.

Для российского читателя эта тема стала притоискрываться только в конце 80-х-начале 90-х гг. XX в., когда в журнале «Вопросы философии» (1990. № 9. С. 37-66) была перепечатана солидная статья историка-диссидента, эмигранта «третьей волны» М. Геллера под названием «Первое предостережение — удар хлыстом». Впервые статья была опубликована в 1978 г. в Париже в журнале «Вестник русского христианского движения» (№ 127. С. 187-232). После этого на

тему изгнания «накинулись» публицисты и литераторы. И только вслед за ними эстафету подхватили историки, получившие возможность ввести в научный оборот материалы «закрытых» архивов (Ю. Голанд, Т. Красовицкая, С. Хоружий, В. Костиков, С. Красильников, В. Соскин и др.). Книга М. Е. Главацкого — одна из последних в хронологическом списке научных трудов на эту тему.

Несколько слов об авторе. Михаил Ефимович Главацкий — доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета. Он — один из руководителей проблемного совета Минобразования России «Политическая культура и интеллигенция. Ее роль и место в истории отечества» и руководитель научного центра «XX век в судьбах интеллигенции». С именем Михаила Ефимовича связано выделение в исторической науке целого научного направления — «историографии интеллигентоведения». Его труды в этой области признаны новаторскими многими российскими и зарубежными учеными.

В распоряжении М. Е. Главацкого оказались редкие документы из засекреченных ранее архивных фондов (ГАРФа, Архива Президента РФ, Центрального архива ФСБ РФ) и спецхранов библиотек. Им впервые была предпринята попытка проанализировать всю имеющуюся в наличии литературу о высылке в 1922 г. из России инакомыслящей интеллигенции. Особое ме-

сто в работе заняли ответы на вопросы, на которые раньше не было ответа или по которым историки высказывали полярные точки зрения. Так, М. Е. Главацкий пишет: «Мы до сих пор не знаем ни численности, ни состава включенных в списки кандидатов на изгнание и лиц, оказавшихся на чужбине. Мы так и не можем решить, считать ли депортацию самым позорным деянием большевиков или ее следует рассматривать как "предусмотрительную гуманность". Почему не состоялся диалог между интеллигенцией и большевицкой властью в 1922 г.? Каковы истинные причины экспатриации? Можно ли считать, что идея высылки за границу принадлежала лично В. И. Ленину?.. Какие уроки можно извлечь из высылки инакомыслящих?» (с. 6). В своей книге М. Е. Главацкий не только дает ответы на все вышеперечисленные вопросы, но и, что особенно важно, иллюстрирует их соответствующими документами.

Автор с самого начала был убежден, что только такой историографический подход даст читателю уникальный шанс самостоятельно осмыслить проблему взаимоотношений интеллигенции и власти в 1922 г. По мнению М. Е. Главацкого, «экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 г. явилась логичным шагом в развитии внутренней политики страны. Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту — тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим. Они не хотели «придерживать» свои убеждения или менять их, они думали, писали и говорили так, как велела им совесть, оставаясь свободными в условиях крепнувшей несвободы. Независимым словом они пытались убедить в своей правоте, чем бы это ни оберну-

лось для них лично. Взаимоотношения между ними и властью можно выразить одним словом — несовпадение. В чем? В различном отношении к Слову. Свободному слову» (с. 24-25).

Такие исследовательские подходы М. Е. Главацкого нашли отражение в структуре книги. Она включает четыре этюда, каждый из которых имеет свое специфическое документальное «наполнение». Этюд первый — «В начале было слово» — содержит, например, документы, лекции, печатные труды высланных. Здесь и фрагмент лекции Н. А. Бердяева «...Не удастся никогда социализм», прочитанной им в Вольной академии духовной культуры в 1920 г.; фрагмент из эссе Е. Замятина «Я боюсь» (1921) «...Если писатель должен быть благоразумным... тогда нет литературы»; фрагмент из передовой статьи журнала «Летопись Дома литераторов» (1922) под названием «О допущении свободного обмена идей по любому вопросу»; статья «От редакции» из журнала «Экономист» (1922. № 1. С. 3-4), из которой приведена цитата: «Мы будем выслушивать различные мнения и приводить различные оценки»; фрагмент из выступления П. А. Сорокина «Поспешив, мы очутились не в XXII столетии, а в XVIII веке» (Речь на торжественном собрании в день 103 годовщины Петербургского университета, 21 февраля 1922 // Утренники. 1922. Кн. 1. С. 10-13) и цитата из его статьи «Заветы Достоевского» (1922) «...Без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя» (Артельное дело. 1922. № 17-20. С. 4-6) и другие.

Этюд второй — «Извольте быть благонадежны» — напротив, содержит высказывания оппонентов высланных: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина. В арсенале автора книги есть немало документов, которые отражают основную линию политики лидеров партии боль-

шевики: «Во-первых, они постоянно говорили (и делали это), что будут поддерживать те группы интеллигенции, которые готовы безоговорочно сотрудничать с властью Советов. Во-вторых, предупреждали людей интеллектуального труда, что не допустят существования оппозиции, что свобода творчества возможна только в "рамках нашего режима"» (с. 61).

«Идею высылки, — пишет М. Е. Главацкий, — мало было изобрести. Надо было ее теоретически обосновать» (с. 69). И далее в этой же главе автор выстраивает картину из ленинских документов, датированных мартом-маем 1922 г. и рассмотренных в хронологическом порядке. Так, например, в письме от 15 мая 1922 г. В. И. Ленин в письме наркому юстиции Д. И. Курскому предлагает дополнить Уголовный кодекс правом «...замены расстрела высылкой за границу по решению президиума ВЦИКа (на срок или бессрочно)», а также «добавить расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы» (с. 71). А в письме от 19 мая 1922 г. Ф. Э. Дзержинскому Ленин пишет: «Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим... Надо поставить дело так, чтобы этих "военных шпионов" изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» (с. 71-72).

На просьбу Ленина от 19 мая 1922 г. поручить сбор сведений об интеллигенции «толковому, образованному и культурному человеку в ГПУ» для этой работы был выделен Я. С. Агранов — «особоуполномоченный чекист, надзирающий за искусством».

Особенно грязными высказываниями в адрес изгоняемых в центральной печати отличился Л. Д. Троцкий. Своим мальчиком для битья он выбрал критика Ю. И. Айхенвальда. В статье

«Диктатура — где твой хлыст?», опубликованной 2 июня 1922 г., Троцкий поражает словесной несдержанностью, общим разнузданным тоном, прямыми оскорблениями. Вот как, например, он отзывался об Айхенвальде: «Это философский, эстетический, литературный, религиозный блюдолиз, то есть мразь и дрянь» (с. 83). И в конце статьи Троцкий предлагает «хлыстом диктатуры пролетариата заставить айхенвальдов убраться к черту, в тот лагерь содержантства, к которому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией» (там же). Такого рода критика носила заказной характер — необходимо было найти новый образ врага революции в лице интеллигенции и подготовить к расправе с ней общественное мнение.

Этюд третий назван в книге «Выезжайте, господа!». Этюд четвертый — «Вместо заключения».

Идею изгнания идеологических оппонентов нельзя считать изобретением большевиков. Ее вообще не надо было изобретать, считает М. Е. Главацкий, поскольку она практиковалась с древних времен. «Еще задолго до нашей эры в Афинах проводится форма голосования (она получила название ostracism) при решении вопроса об изгнании на 10 лет лиц, признаваемых опасными для существующего государственного строя. История сохранила имена людей, высланных гражданами и правителями в разные годы из разных стран. Это Анаксагор и Эмпедокл — из Афин и Агригента, Овидий — из Рима, Данте — из Флоренции, Спиноза — из Амстердама и др. Примечательно, что среди изгоняемых в те годы преобладали философы» (с. 90-91). Царский режим широко применял административную высылку и ссылку в отношении к представителям политической оппозиции и зачастую численность административно высланных и ссыльных существенно превышала численность осужденных по су-

ду (С. А. Красильников, 1994; цит. по: М. Е. Главацкий, с. 91). Некоторые лидеры большевиков при царской власти испытали на себе эту форму репрессий.

В качестве одного из главных поводов для изгнания интеллигенции в 1922 г. многие историки называют неудавшийся опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией в процессе борьбы с голодом. Комитет помощи голодающим (Помгол) был утвержден в июле 1921 г. декретом ВЦИК. Из 73 членов комитета 12 представляли советское правительство (Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский и др.), а 61 — русскую общественность (профессора С. Н. Прокопович и Н. Д. Кондратьев, председатель Московского общества сельского хозяйства А. И. Угримов, писатели А. М. Горький, Б. К. Зайцев и М. А. Осоргин, бывшие кадетские деятели Н. М. Кишкин, Е. Д. Кускова и др.). Комитету был присвоен знак Красного Креста. Ему предоставлялось право приобретать в России и заграничной продовольствие, собирать пожертвования, открывать за границей отделения и командировать туда своих уполномоченных. Автономия комитета закреплялась освобождением «от ревизии Рабоче-крестьянской инспекции». По мнению М. Геллера, ни до ни после ни одна общественная организация не получала таких прав (цит. по: М. Е. Главацкий, с. 13-14). Однако комитет уже в конце августа был ликвидирован, а его наиболее активные члены, представлявшие общественность, арестованы и через год высланы за границу. Между изгнанием и роспуском комитета было много общего. Так, например, в обоих случаях обвинения против комитета и экспатриантов 1922 г. сводились к их антисоветской деятельности. «Преступлением, — отмечает М. Геллер, — было и непонимание того, что спасение от голодной смерти

силами общественности, в то время как государство не могло ничего сделать, было актом *политическим*» (там же, с. 15). Другими словами, преступлением считалось само существование комитета, стремившегося объединить всех, кто мог содействовать спасению от голода, и становившегося таким образом центром возрождения общественности. Это власти допускать не хотели.

Существует также большое сходство в инструктивных указаниях В. И. Ленина — высмеивать и травить — по «обработке» общественного мнения в 1921 г. (при ликвидации Помгола) и в 1922 г. (при подготовке изгнания). Даже лексика совпадает буквально: «очистить Москву от кукишей» (1921) и «очистим Россию от инакомыслящих интеллигентов» (1922) (с. 15).

Все исследователи истории «философского парохода» единодушны в том, что детонатором, ускорившим изгнание инакомыслящей интеллигенции из России, стала серия состоявшихся в 1922 г. всероссийских съездов интеллигенции. Вот их краткий перечень: Всероссийский агрономический съезд (март), Всероссийский съезд врачей (май), I Всероссийский геологический съезд (май), Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации (октябрь). Все съезды оказались в поле пристального внимания сотрудников ГПУ, поскольку, как и ожидалось, именно здесь власти столкнулись с открытой критикой своей социально-экономической политики со стороны ученых.

«О том, сколь острым и бурным был в 1922 году вопрос об отношении к представителям непролетарских партий и колеблющейся интеллигенции, свидетельствует тот факт, что за один этот год Политбюро ЦК РКП(б) около 30 раз обсуждало меры по их депортации, закрытию печатных органов и ликвидации политических течений, обвиненных в антисоветской деятельнос-

ти» (с. 150). Существовало несколько параллельно разработанных списков: московский, петроградский, украинский. На 3 августа 1922 г. в украинском списке числилось 77 человек, на 23 августа в московском — 67 человек, в петроградском — 30 человек, итого 174 человека. По подсчету В. Л. Соскина, в списках числилось всего 197 человек. Список высылаемых был разбит на разделы. Сначала перечислялись профессора московских вузов — 21 человек, затем деятели издательства «Берег» и «группы Абрикосова» — 6 человек, агрономы и кооператоры — 13, инженеры — 6, литераторы — 12. Здесь очень много звучных имен, в том числе Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. А. Кизеветтер, Ю. И. Айхенвальд, М. А. Осоргин. Дополнительный список содержал 8 фамилий, включая Ф. А. Степуна. В петроградском списке 51 фамилия, среди прочих П. А. Сорокин, А. С. Изгоев, Б. Д. Бруцкус, Е. И. Замятин, Л. П. Карсавин, С. И. Булгаков и Н. О. Лосский.

Списки постоянно подвергались корректировке. Пакет документов поступал также на имя И. В. Сталина. М. Е. Главацкий пишет, что когда он просматривал протоколы Политбюро за 1922 г., ему бросилось в глаза, что «все без исключения заседания вел И. В. Сталин. На каком-то из них по тем или иным причинам мог отсутствовать Ленин, на другом — Зиновьев, на третьем — Троцкий. А вот Сталин неизменно присутствовал» (с. 149).

Как известно, подготовка к высылке проводилась в условиях строгой секретности. Только в конце августа

1922 г. лидеры большевиков приоткрыли завесу. Так, Л. Д. Троцкий в интервью американской журналистке Луизе Брайант-Рид (жене Джона Рида) 30 августа 1922 г., разъясняя причину акции, откровенно проговорился: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, — а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением» (Правда, 30 августа 1922 г.; цит. по: М. Е. Главацкий, с. 215).

В заключение хотелось бы отметить, что, хотя книга М. Е. Главацкого ориентирована прежде всего на историков русского зарубежья и на преподавателей этого курса в вузах, она, несомненно, будет полезна широкому кругу специалистов и особенно всем тем, кого волнует судьба интеллигенции в России.

Рецензия написана в ходе работы по гранту РГНФ «Российская научная эмиграция в США в XX в.» (код проекта 02-03-18331а).

Т. И. Ульянкина